

небо без края

Юлия Энгельман

Юлия Энгельман
Небо без края
Серия «Имена. Зарубежная проза»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74164671

Небо без края: Азбука; М.; 2026

ISBN 978-5-389-34154-8

Аннотация

«Небо без края» – трогательный, проникновенный роман взросления о девочке-подростке, переставшей ощущать вкус жизни.

Шарли пятнадцать, и у неё всё плохо. Она скучает по отцу, ушедшему из семьи. Злится на маму, потому что у неё появился новый мужчина. Разрывает дружбу с лучшей подругой, когда та начинает встречаться с парнем, в которого Шарли влюблена.

Кажется, что между Шарли и остальным миром возведена стеклянная стена, которую невозможно разрушить.

Но когда в её классе появляется новенький, он превращает эту стеклянную стену в окно автомобиля, которое можно опустить, чтобы Шарли наконец-то снова могла протянуть руку к небу.

Содержание

Пролог	5
Лето	9
1	9
2	14
3	22
4	31
5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Юлия Энгельман

Небо без края

Julia Engelmann

HIMMEL OHNE ENDE

Copyright © 2025 by Diogenes Verlag AG, Zurich

All rights reserved

© Набатникова Т., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Тем, кого люблю

«Мы были вместе. Остальное я забыл...»

Уолт Уитмен

Пролог

– Ты знаешь, почему ты здесь, Шарлотта? – спросила госпожа Кнуббен.

– На этом свете? – уточнила я, обкусывая ногти.

Шла большая перемена, и все были во дворе школы. Я не находила ничего плохого в том, что мне придётся обойтись без них и никого из них не видеть. А плохо было то, что мне велели явиться к нашей школьной психологине, о чём я узнала лишь пять минут назад, ну и ладно.

– Нет, – улыбнулась госпожа Кнуббен. – Здесь, у меня.

Я пожалала плечами, не поднимая глаз от письменного стола, разделявшего нас. Стопки папок, разбросанные ручки, изюм в розетке, пачка сигарет.

– Как ты думаешь, почему твоя мать, я и госпожа Рейхова сошлись на том, что было бы неплохо нам с тобой вдвоём спокойно побеседовать?

Квартира – это отражение души, – всегда говорила мама, когда заставляла меня прибраться в комнате. В душе госпожи Кнуббен было подозрительно привольно для школьной психологини. Да к тому же ещё и задымлённо.

– А ведь ты, вообще-то, хорошая ученица, как мне сказала Сюзанна... то есть госпожа Рейхова, но в этом году, кажется, что-то пошло не так и коллеги, ясное дело, обеспокоились, как ты потом справишься с выпускными экзаменами.

Я ничего на это не ответила, но госпожа Кнуббен всё равно что-то записывала, а я пыталась выглядеть как можно нормальнее, только, к сожалению, не знала, как это.

– Расскажи, как у тебя идут дела в последнее время?

Кое-что изменилось: я припомнила, что мой любимый напиток «холодный чай» перестал быть вкусным, а белый свет перестал быть светлым.

– Ничего не случилось в вашем классе?

Я неотрывно таращилась на изюм в розетке и задавалась вопросом, ела ли его вообще когда-нибудь госпожа Кнуббен. На этой неделе я впервые расплакалась на уроке.

– Или, может, ты влюбилась?

Свою влюблённость в Миколая я пыталась держать в тайне от всех, даже от себя самой.

– Есть ли у тебя подруга, с которой у тебя доверительные отношения? С кем ты могла бы поговорить.

Я подумала о том, что между мной и Кэти всё рухнуло. Потому что во мне, судя по всему, было что-то такое, что всех отталкивало.

– Или дома кто-нибудь. Как у тебя с родителями?

Я подумала о том, в каком стрессе мама была в последние недели и что о моём отце мы вообще никогда не говорили с тех пор, как он ушёл, и я по сей день не знала, куда мне со всем этим деваться – с этой тоской и болью.

– Не знаю, – соврала я. И даже если я действительно много не знала, то следовало спросить себя, почему я никогда

не пыталась выговорить хотя бы то небольшое, что я всё-таки знала.

– Ну, хорошо, – сказала госпожа Кнуббен, – ты и не обязана ничего говорить. Давай сегодня для начала просто познакомимся. Есть у тебя что-то другое, что ты хотела бы обсудить, Шарлотта?

Иногда я себя спрашиваю, кто я и всё такое, – промелькнуло у меня в голове. И я рассердилась на себя за то, что у меня всегда эти дурацкие мысли, которые только всё портят.

– Да, – сказала я.

– Чудесно, я тебя слушаю.

– Шарли.

– Что-что?

– Дело в «Шарлотте». Меня зовут просто Шарли.

Госпожа Кнуббен вздохнула.

– Тогда давай на этом остановимся. Ты ведь знаешь, где меня найти, если всё же решишься поговорить. Мы, школьные психологи...

Как раз в этот момент мне что-то взбрело в голову в этом битком набитом кабинете госпожи Кнуббен. Я подумала, как было бы чудесно сейчас запеть от всего сердца. Запеть так, чтобы довести кого-то до слёз. На большой сцене, где тебя все слушают. Это было, наверное, равносильно тому, чтобы быстро добежать до автобуса и не опоздать на него, только не ногами, а голосом. *Один раз в жизни спеть так*, – думала я, – *чтобы это было действительно Нечто*. Но я понятия

не имела, как я – в настоящий момент – могу к этому прийти.

Меня, к сожалению, окончательно добила последняя фраза госпожи Кнуббен:

– И ещё, Шарлотта, твоя замкнутость меня совсем не пугает.

Я даже подумала, что ей самой не помешало бы сходить к психологу, если она говорит такие фразы, и я твёрдо решила, что ноги моей больше не будет в её просторной, чисто прибранной душе.

Лето

1

Мои слёзы были такие же тихие, как я сама.

Тетрадь и мои записи расплывались у меня перед глазами, и всё становилось неразличимым – клеточки, циферки, иксы.

– Шарли, – повторил господин Куле, – не могла бы ты прочитать нам вслух решение примера 4а?

Я смотрела на свои руки с обкусанными ногтями, не смея поднять глаза. Я была как замороженная, только сердце у меня колотилось.

– О боже, да она опять плачет, – сказала София.

Я ненавидела это своё состояние, когда не могла произнести ни слова. Когда другие над этим смеялись. Когда я чувствовала, как краснею, а потом неизменно начинала плакать.

– Да у неё в голове просто полный вакуум, – засмеялся Шмитти. Остальные ему подхихикивали. Может быть, он и прав. Может быть, голова у меня действительно пустая. Я оглянулась на Кэти, ища поддержки, но та лишь закатила глаза.

– Ну хорошо, – сказал господин Куле, – кто-нибудь может ей подсказать?

София зачитала решение задачи вслух, и я в тысячный раз в этом учебном году пожелала быть такой, как она. Красивой, умной, всеми обожаемой. И, когда прозвенел звонок, я в тысячный раз в этом учебном году пожелала очутиться как можно дальше отсюда. Или хотя бы просто в другом месте. И со странным чувством подумала о том, что никто бы этого даже не заметил. Всем было безразлично. Не играло роли, есть я тут или нет. Потому что я никого не любила. И меня никто.

* * *

– Шмитти требует слишком много внимания к себе, – говорила я Кэти после уроков, когда мы, наконец, шли по школьному двору. – А София вообще думает, что она нечто недостижимое.

Мы сидели за одним столом с пятого класса – Кэти и я. Меня всегда восхищало, что она про каждого находила, что сказать. Но в этот раз Кэти не ответила мне, как обычно, «да-да, точно». Вместо этого она произнесла:

– Тебе не стоит относиться к этому так серьёзно.

– Но они же подняли меня на смех, – возразила я. – И я не понимаю почему.

Это началось в последний учебный год. А ведь я при этом не делала ничего особенного. Всё было как и в предыдущие три года.

– Ты слишком зацикливаешься на этом.

Тут мимо нас пробежал кто-то с красным рюкзаком. Миколай. Я попыталась сделать такое безучастное лицо, чтобы по мне ничего не было заметно. Я ни с кем не хотела говорить о Миколае, даже с Кэти.

– Я уже начинаю сомневаться в себе, спрашиваю, кто я есть и всё такое, – сказала я.

Эта фраза выскользнула у меня сама собой.

– Окей, – сказала Кэти. И потом засмеялась. Это был типичный сухой смех Кэти, громкий и хрипловатый. – Иногда ты и впрямь бываешь очень странной.

Я сглотнула. И тоже засмеялась.

– Да, я знаю, – сказала я. – Давай сегодня что-нибудь устроим? Могли бы пойти в Аркаду.

– Нет, у меня сегодня наш самодеятельный театр, а потом мне надо присматривать за Мерли, мама на работе, – сказала она.

Мерли – это была собака Кэти. И по тому, как она это сказала, я уже могла бы кое-что заметить. Но я ничего такого не подумала.

– А ты, собственно, пойдёшь? В Летний театр? – спросила она. София каждый год играла у них главные роли, и каждый год я соглашалась с Кэти, что это просто неприлично.

– Конечно, – сказала я, хотя не имела намерения видеть своих одноклассников чаще, чем необходимо.

Когда мы дошли до стоянки велосипедов, я заметила на

земле монету, она блестела на солнце, но я её не подняла.

– Может, сходим в Аркаду на следующей неделе, – сказала Кэти.

– Да, может быть, – согласилась я.

Кэти села на свой велосипед и уехала.

– До завтра, – крикнула она.

– До завтра, – ответила я и подавила ужасное чувство, которое расползлось у меня в животе.

* * *

Чтобы стать лучшими подругами, нам с Кэти потребовалась всего одна пятиминутная перемена. Это было в конце пятого класса. Мы стояли рядом в умывалке туалета для девочек. Я подставила ладони под струю холодной воды и тайком наблюдала, как Кэти подводит себе глаза. Эта чернота выглядела потрясающе. Хотя мы были ровесницы, Кэти казалась старше. Она была во всём передовой, с опережением зажигания, она раньше всех узнавала, какие кроссовки в моде, как писать любовные письма, где купить увеличивающие бюстгалтеры, и эти её знания в равной степени меня восхищали и пугали.

– Что-то не так? – спросила она своим хрипловатым голосом.

Я помотала головой, но тут её холодный взгляд потеплел и вызывающе сверкнул:

– Хочешь попробовать? – спросила она, протягивая мне чёрный карандаш.

Пощипывало, когда я красилась, и глаз немного слезился, но я продолжала. Потом посмотрела в свои совершенно новые глаза. Более взрослые, более крутые, к моему удивлению и ужасу. Глаза были как у Кэти.

– Выглядит замечательно, – с гордостью сказала я.

– Замечательно? – Кэти сухо усмехнулась и, выходя за дверь, добавила: – Выглядит *круто!* – И я, стоя перед зеркалом, приколола себе эту фразу как орден на джинсовую куртку и больше никогда его не снимала.

Я опустила стекло пассажирской дверцы и высунула руку навстречу ветру. Я делала это всякий раз, совершенно автоматически. Сама не знаю почему.

– Что было сегодня в школе? – спросила мама.

Я смотрела на её профиль. Каждое лето у неё на лице высыпало невероятное множество веснушек, также на кистях и на предплечьях, а она была красивая, даже когда усталая, с той же естественностью, с какой я была некрасивой, и временами я втайне злилась на неё. Что она не передала мне это по наследству.

Маркус запищал у меня в ногах. Мы ехали к ветеринару, потому что у Маркуса в последнее время пропал аппетит. Маркус – так звали мою морскую свинку.

– В школе всё было хорошо, – сказала я.

Я не хотела, чтобы мама беспокоилась, чтобы она узнала о том ужасном чувстве у меня в животе. У неё и без того было много проблем с её ночными дежурствами в больнице и со всеми сверхурочными. В недели её дежурств она была нервной и рассеянной и всё равно заботилась обо мне, я это знала. Но, к сожалению, она тоже быстро заставляла меня срываться.

– Расскажи всё-таки, что новенького?

Вот такими вопросами, например.

– Ничего, – коротко сказала я.

Я иногда спрашиваю себя, кто я есть и всё такое. Зачем я вообще это сказала? Может быть, Кэти и права. Может быть, я действительно была странная. Я прикинула, смогу ли вообще когда-нибудь для чего-нибудь найти нужные слова. Слова, которые означали бы то, что я имела в виду, что я действительно глубоко внутри имела в виду. Но это была попытка. Потому что я стыдилась своих слов. И стыдилась своего молчания.

По радио пела Леди Гага.

– Всегда этот грохот, кто ж это выдержит.

Мама уменьшила громкость радио. И я подумала, как было бы хорошо, если бы можно было просто увернуть громкость у меня в голове, но там было ужасно громко, и всё было переполнено безумными мыслями. Безумные мысли, их становилось больше с каждым днём, и я не могла от них избавиться. Безумные мысли, которые за последний год размножились у меня в голове и ставили передо мной тысячу вопросов, на которые я не находила ответа. Почему я была такой, какая есть, – такой тихой, тупой, такой странной, – и почему я никак не могла научиться быть собой. Или хоть кем-нибудь.

Моей руке стало холодно от встречного ветра, но не по-настоящему холодно, недостаточно холодно. У меня тоже в последнее время не было аппетита. Как будто всё вкусное перестало быть вкусным. Например, «холодный чай». И я ду-

мала, что, может, в городе ходила какая-то инфекция, которой мы оба заразились – Маркус и я.

У ветеринара я не стала заходить в кабинет, осталась сидеть в машине. Я хотела побыть одна. Я увеличила обороты вентилятора. Мне было слишком жарко в моей джинсовой куртке, но я её не снимала. Понятия не имею почему и понятия не имею, почему я всё ещё носила её. Это была куртка моего отца, и я спасла её из мешка с одеждой, которую мама собралась отдать на благотворительность. Эта куртка никогда мне не шла и была слишком велика. Но всё равно, это была его вещь. И по крайней мере Кэти нынешним летом сказала, что у меня «крутой винтажный вид». Я передвигала пассажирское сиденье то вперёд, то назад и смотрела в пустоту.

* * *

Когда моя тишина впервые стала для меня проблемой, мне было семь лет. Отец стоял в прихожей с дорожной сумкой и непроницаемой миной. С каждой секундой он становился для меня всё более чужим. А накануне вечером я слышала его голос из соседней комнаты.

– Всё это для меня слишком, Хелен, – сказал он.

И теперь, когда я стояла в прихожей напротив него и его дорожной сумки, я не сказала: «Я не понимаю, что произошло».

Я не сказала: «Я боюсь тебя потерять».

Я не сказала: «Пожалуйста, останься».

Вместо этого я смотрела, как он словно в замедленной съёмке брал сумку, поворачивался, открывал дверь и уходил. И я – я забила в свою кровать и включила телевизор.

Он оставил после себя дыру, дыру в форме моего отца, и я – через эту дыру – заглянула в пропасть, тогда как меня переполняла любовь, которой теперь некуда было деваться.

Я была слишком юной, чтобы знать, как происходит то и другое: стоять на краю пропасти и не падать в неё. Удержать любовь и не захлебнуться в ней. Итак, я сделала то же, что мама: я обвинила его и назвала слабаком. Но внутри себя я обвинила мою тишину. Ведь – конечно же – это я была той, кого ему стало «слишком». И потом, потом я делала попытки забыть его.

* * *

На обратном пути от ветеринара я держала Маркуса на руках. Какое облегчение было знать, что он снова выздоровеет.

– Может, мы просто давали ему неправильный корм. А теперь мы должны следить за тем, чтобы он действительно глотал таблетки, – сказала мама, ещё когда мы выезжали с парковки у ветклиники, но её голос размылся, слился с шумовым фоном, и всё звучало одинаково, каждое слово, каждый слог, каждый звук.

Я смотрела в небо, проплывающее мимо.

Оно было по-летнему голубым, с брюхатыми облаками разной величины. Оно никогда не бывает одинаковым, небо, оно всегда чуточку другое. Мне это нравилось. Бесконечность, широта, свет. Краски, из которых хотя бы одна не имела даже названия, и облака, из которых хотя бы одно походило на Маркуса. Странно, что позади неба скрывалась Вселенная. Иногда я пыталась представить себе её, Вселенную, но всякий раз, наталкиваясь на край моих мыслей, я сдавалась.

– Ну где ты опять затерялась со своими мыслями, Шарли? – спросила мама.

Я кусала ногти и злилась, что не могу это остановить.

– Нигде, – сказала я и задумалась, как называется чувство, когда ты печалишься из-за всей той красоты, которую пропустил в прошлом, и из-за всей той красоты, которую ещё пропустишь в будущем.

Когда мы припарковали машину перед нашим домом, я снова подняла пассажирское стекло и спросила себя, стану ли я когда-нибудь кем-нибудь хоть для кого-нибудь. Но этот вопрос мелькнул лишь на одну секунду. И тут я заметила, что мама смотрит на меня. Она смотрела на меня так, будто только что получила плохую новость, и этой плохой новостью была я.

– Шарли, я за тебя беспокоюсь, – сказала она.

В моей комнате было сумрачно. Я посадила Маркуса на кровать. Он был тёплый, и от него пахло сеном.

– Эй, маленький пират, – прошептала я. Это из-за чёрного пятна, которое обрамляло его правый глаз, словно повязка одноглазого пирата. Потом я пошла в кухню, завернула таблетку в листик базилика, вернулась и поднесла ему лекарство.

– Ты должен это съесть, хорошо?

Маркус был, если честно, моим единственным другом, наравне с Кэти. Вообще-то морские свинки не выживают в одиночестве, но Маркус как-то выживал, и это с самого начала нас сроднило. Потому что мы оба знали, каково это – быть одному, он и я.

Мы познакомились в приюте для животных. Я стояла там рядом с мамой под ярким растровым светильником, прямо на уровне глаз – клетка М.3.2. И в клетке М.3.2. сидела дрожащая морская свинка с чёрной «заплаткой» на правом глазу. *Внимание, можно содержать лишь в одиночку*, – гласило предупреждение на табличке, но я уже и без таблички это почему-то знала. Что мы подходим друг другу. Я выложила на стол десять евро монетами разной величины, мама заполнила бумаги по «усыновлению», и я, запасшись брошюрами типа «Нарушения в поведении морских свинок» и «Углы

и норки: создайте грызуну идеальное жизненное пространство», блаженно направилась на парковку с моим новым домашним питомцем в руках.

Когда Кэти его впервые увидела, она протяжно ахнула:
– Ой-й-й, крыска!

И тут бы нам с Маркусом сразу заметить, что это не идеальное для нас жизненное пространство.

– Тебе бы тоже хотелось быть где-нибудь в другом месте? – тихо спросила я его теперь, у себя в комнате. – Где-нибудь подальше в большом, просторном мире?

И я посадила его назад в его клетку.

* * *

Вечером я чистила зубы и разглядывала себя в зеркале.

Волосы у меня нерешительной длины – полудлинные. Если бы отпустить их расти подлиннее, то я могла бы, пожалуй, блондировать несколько прядей, как это делает София. Мама часто получает комплименты за свои веснушки, но у меня они смешиваются с прыщами. Мне ещё никогда не удавалось совместить то, как я выгляжу и как себя ощущаю изнутри. Я целыми днями не вылезала из джинсовой куртки отца, но теперь, в майке, я отчётливее разглядела своё тело. Как, кстати, узнать, красивая ты или нет? *Может, я и была бы красивой, будь я потоньше,* – подумала я и потом попыталась, насколько возможно, не смотреть себе в глаза и во-

обще смотреть мимо себя и для этого сфокусировалась на плитке с цветочным узором у меня за спиной.

Не только всё вкусное перестало быть вкусным. Дело дошло до того, что всё светлое перестало быть светлым. Например, освещение. Я включала все источники света в комнате. Лампу на потолке, клик, лампу в изголовье кровати, клик, лампу на своём письменном столе, клик. Но всё равно что-то оставалось тёмным, хотя я и не знала, что именно.

Потом я смотрела сериал *«Любовь на перепутье»*. Это была мыльная опера, серии шли каждый вечер, а в выходные часами прогонялись повторения предыдущих. В этой *«Любви на перепутье»* никому не надо было ходить в школу. Речь шла только о любовных похождениях Анны и Макса, об интригах Джованни, злодея. Иногда мы с мамой смотрели какую-нибудь серию вместе, в гостиной или на маминой кровати.

– Да они же все придурки, – часто говорила мама. Я соглашалась с ней и хотя бы на несколько минут чувствовала себя чуточку нормальнее.

В эту ночь я лежала без сна и смотрела в потолок.

Если достаточно долго смотреть в потолок, то, может быть, откроется окно во Вселенную, и я смогу потихоньку, тайком выскользнуть через него. Тогда бы я сбежала без оглядки на самый край моих мыслей.

И потом ещё на один шаг дальше.

Бр-р-р-р-р-р-р. Утром, по дороге к автобусу я пускаю руку скользить по зелёному металлическому забору, пока по поим пальцам не побегут мурашки, а потом они вообще немеют и становятся бесчувственными. Я делаю это каждый день – по дороге в школу и обратно. Туда и назад. Туда и назад. Мне не верится, что в промежутке пропадают целые школьные дни, недели, месяцы, потому что всякий раз, когда я проезжаю пальцами по металлическим рёбрам, мне чудится, будто я только что здесь проходила в другую сторону.

В автобусе я всегда садилась сзади и ждала. Через две остановки заходил он.

Миколай.

Он садился на пару рядов впереди.

В автобусе мы были чужими, хотя учились в одном классе. Я тарасилась на его затылок. Его каштановые волосы были небесами моих школьных дней, потому что они никогда не бывали одинаковыми, всегда немножко другими, немножко иначе растрёпанными, и мне это нравилось. Миколай был красив по-своему, и я была уверена, что это видят все; и он был такой тихий, что я не сомневалась: с ним хорошо было бы разговаривать. Кроме того, он играл на гитаре в одной группе с двумя девятиклассниками, группа называлась «ЛИ-СЫ». Иногда они играли на школьных вечерах, а на Ютубе

висело видео с их песней «Сироп», я уже столько раз смотрела эту запись, что выучила песню наизусть.

*И каждый человек носит твоё имя,
И каждый человек живёт с твоим лицом.
Твоя ладонь, наверное, испачкана сиропом,
Потому что я прилип и не могу отлипнуть,
Не могу отпустить тебя.*

Я была влюблена в него с тех пор, как мы стояли рядом в телефонной цепочке для кругового обзвона, когда каждый передавал новость следующему по списку, а у Эстер никто не брал трубку. С тех пор я надеялась, что Эстер куда-то переехала или просто у них хронически не было электричества.

10 Мильчарек, Миколай

11 Нагель, Эстер

12 Ноймер, Шарли

Что это любовь, я заметила по тому, что у меня сразу начинало биться сердце от любого красного рюкзака. Или затылок с сиропом в супермаркете, лис всех видов, каштановых волос, звуков гитары, школьного автобуса, телефонов в целом и Миколая в частности. Я всегда пыталась мимоходом глянуть на его затылок, почти рассеянно, как во сне. Но на самом деле я всматривалась пристально.

Когда автобус остановился перед школой и я выходила, то заметила, что на его месте осталось что-то лежать.

Айпод Миколая.

Мне всегда хотелось иметь такой, но я так и не решилась попросить у мамы, потому что знала: у нас нет на это денег. Я хотела окликнуть Миколая, но он уже исчез из поля зрения. Через секунду замешательства я опустила его айпод в карман своей джинсовой куртки.

Он был холодный и тяжёлый.

Я отдам его Миколая в школе.

На уроке музыки у меня не получилось его отдать, когда София запела песню из мюзикла *Wicked*. Когда заиграло пианино и София запела, меня против воли охватило такое странное чувство, немного как дурнота, но я не могла бы сказать точно, что это было.

– Улыбнись же, Шарли, – крикнул мне на перемене в коридоре господин Куле. Терпеть не могу, когда он это говорит.

На математике Миколай повернулся ко мне:

– Тебе ещё нужна линейка? – спросил он и наклонил голову так, чтобы волосы не падали ему на глаза, и я испугалась, что в любой момент из меня может вырваться что-нибудь на тему его красоты или моей любви.

– Нет, – сказала я и смотрела при этом линейке в глаза, в самую их глубину.

– Окей, – сказал он, и я попыталась расслышать в его голосе, часто ли он думал о наших телефонных звонках.

– Окей, – сказала я линейке, которую красивая рука Ми-

колая теперь потянула через мой стол к себе, и она медленно исчезла из моего поля зрения.

* * *

Когда я вошла в спортзал, там уже звучала нервная рок-музыка господина Хюнермёрдера¹. Наш физрук был худой, с длинными тёмными локонами, и поговаривали, что наша классная руководительница, госпожа Рейхова, отклонила его брачное предложение только потому, что не хотела именоваться Сюзанной Хюнермёрдер.

Когда мы бежали на разминке, меня обгоняли все. Лукас самый первый. Он был лучший по физкультуре. Я различила перешёптывание у себя за спиной, но, когда обернулась, стало тихо.

– «*Любовь на перепутье*» — такой дурацкий сериал, — сказала Дарья, как раз пробежавшая мимо меня. — Его никто не смотрит.

– Ну почему же, — сказала Эстер, бегущая с ней рядом. — Я, например, часто смотрю за ужином.

Тут бы и мне сказать, что я его тоже смотрю. Мне часто приходит в голову какая-нибудь реплика, когда разговаривают другие, но я всегда пропускаю момент её вставить.

– Быстрее, Ноймер! — крикнул господин Хюнермёрдер.

¹ Эту фамилию можно перевести как Куробой.

Я была самая неуклюжая в нашем классе, а может, даже во всей школе, а то и во всём городе. Я была такая нерасторопная, как будто кто-то всё переключил на замедленную съёмку, а ведь это я сама и переключила всю свою жизнь на замедленную съёмку.

Потом мы играли в «горячий мяч», а уж эта игра была для меня убийственной. Мы таскали по спортзалу синие гимнастические маты, от них воняло старой резиной, и я слышала за спиной хихиканье, но стоило мне повернуться, как оно тотчас смолкало. Кэти не выбрала меня к себе в пару. Она выбрала Софию.

– Извини, Шарли, – сказала она потом в раздевалке, – мне это надо было для оценки.

И я даже отнеслась к этому с пониманием. Обычно Кэти была единственной, кто меня вообще выбирал, но ведь я же не хотела, чтобы из-за меня она получила плохую отметку, тогда бы я чувствовала себя виноватой.

Большая перемена, площадка со столами для настольного тенниса, курительный уголок, стена.

– Мне надо как-то подтянуться, – сказала я Кэти, когда мы совершили наш привычный обход по школьному двору и уселись на каменное ограждение. Я ела сладкую плитку из автомата.

– Ой, – сказала Кэти, – как ты только можешь постоянно это есть?

И она ещё раз объяснила мне, что от этих плиток толстеют

и всё такое.

– Ну и пусть, – ответила я. – У тебя сегодня будет время?

– На этой неделе моя очередь присматривать за Мерли.

– Ах, Мерли, да, конечно, – сказала я и отодвинула по-
дальше мысль, как это странно, что у Кэти вдруг стало так
мало времени. – А в субботу? – спросила я.

Кэти, казалось, о чём-то задумалась.

– В субботу я у Софии, – сказала она. – София пригласила
нескольких человек к себе на гриль или вроде того.

– Несколько человек из театра? – уточнила я.

– Да, наверное, но я думаю, что из класса тоже.

Мы с Кэти уже не раз злословили про Софию, так что я
и не знала, что пойти к Софии было такой уж важной при-
чиной.

– Это будет наверняка унылая скука, – тут же добавила
Кэти, – и я пока не на сто процентов уверена, что пойду. Но
если там будет обсуждение пьесы...

– Понимаю, – сказала я.

После школы я опоздала на автобус.

Я опаздываю на него чуть ли не каждый день, потому что
он отправляется через три минуты после шестого урока. И
я часто мечтала: вот бы уметь так быстро бегать, как Лу-
кас. Каждый день успевала бы на автобус. А на спортивных
праздниках получала бы медали. Никто бы не мог обогнать
меня, и каждому хотелось бы узнать, в чём мой секрет. Но
это была лишь мечта.

Бр-р-р-р-р-р-р-р. Ещё один день позади. Левой рукой я веду по выступающим рёбрам забора, а правой рукой сжимаю в кармане куртки айпод Миколая, как будто боюсь, что иначе он улетит. Придя домой, я сунула айпод себе под подушку и оставила его там – вместе с моей тайной влюблённостью – как мою чокнутую, безумную тайну.

* * *

На следующее утро на школьном дворе ко мне подошли Миколой и Эстер. В первый момент я обрадовалась, что они захотели со мной поговорить.

Но потом я увидела взгляд Миколая.

– Кто-то спёр айпод Миколая, – сказала Эстер.

Меня окатила волна стыда. Я грызла ногти и пыталась выглядеть как человек, под подушкой у которого не лежит чужой айпод. Я думала о том, кто я есть, и больше ни о чём. *Наверное, просто плохой человек.*

– Вот беда-то, – сказала Эстер, – эти штуки зверски дорогие.

– Если что услышишь, дай знать, ладно? – сказал Миколой, и меня доконало то, как он это сказал.

– Конечно, – ответила я.

Когда я пришла домой, мама ещё спала и Маркус тоже. Я не знала, куда мне деваться со своей виной и дурацкими мыслями. И я разбудила Маркуса, взяла его на руки и попы-

талась отвлечься в его тепле и в его запахе. Но у меня не получилось, и я больше не выдержала.

Я постучалась в мамину дверь.

Не дождавшись ответа, осторожно заглянула в комнату.

Там работал телевизор.

– У меня было ночное дежурство, Шарли, у тебя что-то срочное? – заспанно спросила мама.

Тут я уже могла всё представить заранее. Как она будет ругаться, если я расскажу ей про айпод.

– Нет, пустяки. Я только хотела сказать, что я дома.

– И для этого ты меня разбудила? – спросила она, и я закрыла дверь.

* * *

Итак, я отправилась к Кэти. Хотя она должна была присматривать за своей собакой, это же не мешало ей принять подругу. Я просто должна была рассказать ей про айпод.

Дверь открыла Паулина, старшая сестра Кэти.

– Шарли, а тебе чего? – спросила она.

Я всё ещё не врубалась.

– Я пришла к Кэти, – сказала я.

– Кто там опять? – На сей раз в прихожую выглянула Биргит, мать Кэти.

И только заметив нервный взгляд Паулины, я посмотрела мимо неё в гостиную.

А они там сидят.

София и Кэти. Сидят на диване и смотрят телевизор.

Госпожа Рейхова однажды сказала нам на уроке родного языка: каждой истории требуются начало, середина и конец, но моя история ощущалась сейчас как один сплошной конец.

В этот момент Кэти обернулась к двери.

И я отвела взгляд.

Впоследствии я не могла вспомнить, как я оттуда ушла. Сказала ли я хоть слово. Кэти меня обманула. Моя лучшая подруга меня обманула. Потому что я такая странная. Потому что у меня были неправильные мысли, которые вели к неправильным словам и всё портили. И потому что я была слишком тихой, слишком глупой и слишком чудаковатой, все от меня отворачивались. У меня больше не было отца. А теперь больше не было и лучшей подруги. И мне было стыдно. За всё, что я собой представляла.

Мой восьмой день рождения был первым без моего отца. И первым днём рождения, когда я называла папу «моим отцом», потому что мама вдруг стала называть его «твой отец» (а иногда ещё и добавляла «слабак»). И я знала, что из-за этих обстоятельств день рождения должен был стать печальным днём, но для меня он всё равно был счастливым. У мамы с самого утра было приподнятое настроение, когда она меня будила, а когда она вечером вернулась с работы, то сияла ещё больше.

– Сейчас будем праздновать, – решительно сказала она и прижала меня к себе. Моя голова уже тогда доставала ей до плеча, я это точно запомнила, потому что там была такая впадина, куда в аккурат умещался мой лоб. В тот день от неё больше пахло духами, чем стиральным порошком от её платья. Даже бабушка позвонила и велела нам быть счастливыми: «Ну так пусть же у вас сегодня всё будет хорошо!»

– Итак, не будем заставлять просить нас об этом дважды! – объявила мама и при этом подмигнула мне, и, хотя я тогда ещё не умела подмигивать одним глазом, всякий раз у меня закрывались оба, я уверенно ответила ей обоими глазами. Мы были сообщницами в этом деле. Мама надела своё лучшее платье и нанесла румяна, а когда я в ванной стояла рядом и любовалась ею, она повернулась ко мне и спросила: –

Может, ради такого дня тоже хочешь попробовать?

Я благоговейно кивнула. Я знала точно, как пахнет кисть и как мягко она ложится мне на щёки.

– Ну, тогда вперёд! Что мы будем есть? – спросила она с таким азартом, будто мы были две бандитки, планирующие очередное нападение.

– Мороженое! – решительно распорядилась я. – Мы будем есть мороженое!

Когда нам после мороженого уже едва не стало дурно, мама решительно распахнула все окна и шагнула к нашей стереоустановке.

– Нам надо подвигаться, – сказала она. Вставила компакт-диск и нажала на пуск. За торжественной мелодией скрипки последовало расслабленное интро с благодушным битом, пианино и ударные. *Come on, Eileen*, пели они.

– Люблю эту песню, – сказала мама и прибавила громкость. – Мы всегда под неё танцевали.

Она заговорщицки мне улыбнулась и принялась выплясывать перед книжным стеллажом. Мама всегда откуда-то знала в точности, как надо танцевать. Я ответила на её призывную улыбку и затрясла головой, всё энергичнее, пока моя голова не вовлекла в своё движение всё остальное тело.

– В моей юности, – закончила фразу мама и улыбнулась ещё шире.

В вашей юности, подумала я и с усилием попыталась представить себе мою мать в виде подростка. Но в любой

картинке, какую я себе представляла, она была моей матерью. Она протянула руку и увлекла меня на наш танцпол между стеллажом и диваном. Я позволила утянуть себя и улыбалась, гордая, что моя мать пригласила на танец именно меня, хотя нас всего двое и было в помещении.

– Моё сокровище, моя именинница Шарли, – сказала она и сжала мои ладони своими. Я не хотела, чтобы она их размыкала. Мама знала лучшие в мире танцевальные па. Мы провели полонез вокруг стола, ускоряясь всё больше, пока не рухнули со смехом на диван. Потом мы ещё посмотрели фильм *«Пуниш из жжжёного сахара»* (любимый фильм бабушки, поэтому мамы и поэтому мой), хотя было уже сильно поздно, но ведь это, в конце концов, мой день рождения, а в день рождения всё разрешено.

– Поздно? Да что ты, сегодня нет никаких поздно, – решила мама, и мы ели чипсы из хрустящего пакета, упивались «холодным чаем» и соревновались в предсказаниях.

– *Аккермани! Что это вы пили?* – громко воскликнула я, радуясь, что мама наигранно сердится:

– Как, уже пора?

Когда мы наконец утомились, я отвела маму в кровать. Эта идея, должно быть, пришла нам в прихожей, потому что я же теперь была уже такая большая, и если бы я так не пылала радостью, то, может быть, смогла заметить немножко печали в её глазах, которая постепенно пробивалась наружу. Её постель была ещё совсем холодная, и, укрывая, я тщательно

следила за тем, чтобы одеяло окутало и её ноги.

– Спокойной ночи, моё большое сокровище, – сказала я и поцеловала её в лоб, но мне пришлось при этом подавить смешок.

Мама разглядывала меня. Её взгляд говорил о столь многом сразу, что я не могла разобраться во всём этом множестве. Как будто сотня разных фраз была написана ручкой на листке в одну и ту же строку.

– Спокойной ночи, моя любимая именинница, – нежно сказала мама.

– Скорее засыпай, а то не выспишься к завтрашнему утру, – сказала я так, как это выслушивала годами, с наигранной строгостью.

– Да-а-а, – сказала мама, наигранно нервно и подмигнула мне.

И, прежде чем закрыть дверь, я опять подмигнула ей в ответ обоими глазами.

Когда я леглась в собственную холодную кровать, всё моё тело звенело. Ещё несколько минут я слышала, как мама всхлипывает за стеной, но отодвинула в сторону все мысли об этом. Я не думала о том, что мама лишь водрузила себе на лицо маску хорошего настроения ради меня. О том, что на самом деле она не испытывала никакой радости от жизни. И что ей стоил больших усилий этот первый день рождения в качестве одинокой матери, этот первый день рождения её дочери без отца. И уж тем более не думала о том, что я могу

быть ей в тягость.

Вместо этого я пыталась сосредоточиться на чудесном дне, проведённом вдвоём, в то время как мелодия *Come on Eileen* так и продолжала крутиться у меня в голове по кругу.

В мой пятнадцатый день рождения я едва набралась сил пойти в школу. И если бы кто спросил меня, чего я себе хочу, у меня был бы только один ответ: чтобы я перестала существовать.

Когда я входила в класс, ужасное чувство у меня в животе было таким тяжёлым, что я едва терпела. И в тот день, когда я позвонила в дверь Кэти, у меня были такие боли в животе, что я не пошла в школу. Один день растянулся на три. Маме я об этом ничего не говорила. Один раз думала, не позвонить ли мне Кэти, но потом живо себе представила: её сестра, её мать, София – и я оставила эту мысль. Вечером накануне моего дня рождения у мамы зародились подозрения, и я больше не могла скрываться от мира.

Когда Кэти вошла в класс, наши взгляды встретились. Они лишь скользнули коротко, как взгляды двух чужих людей, и тем не менее все картины снова ожили. И я на мгновение подумала, что могла бы что-нибудь сказать, но не осмелилась.

Я ждала, что Кэти подсядет ко мне, чтобы мы, наконец, смогли поговорить. Но она прошла мимо нашего стола и села на заднем ряду рядом с Софией.

Место рядом со мной осталось пустым.

Я не могла поверить, как быстро всё произошло. Что Кэти

и я больше не подруги. А ведь я никогда не сомневалась в том, что наша дружба будет вечной, никогда не думала, что мы, может быть, слишком разные, я всегда считала, что знаком настоящей дружбы служит то, что вы вместе не потому, что подходите друг другу, а потому, что держитесь вместе.

Я грызла ногти – так сильно, что было больно, и изо всех сил пыталась не заплакать.

– Выглядит мега, – услышала я слова Эстер.

– Да, скажи? Посмотри, какие прямые.

Кэти, значит, сняли брекетy с зубов. Она годами грезилa об этом дне, и мы всегда представляли, что будем делать для того, чтобы это отпраздновать. Пойдём в Аркаду и купим ей новый наряд. Сфотографируемся в автомате. Будем бегать по школьному двору и всем улыбаться.

Про мой день рождения никто не вспомнил, и тут я поняла, что все про него знали только потому, что Кэти каждый год пекла мне пирог. В коридоре я смотрела себе под ноги, чтобы не наступать на линии.

На большой перемене я впервые сделала круг по двору одна. Мимо площадки со столами для настольного тенниса, где как раз несколько младших играли «в карусель» – даже в седьмом мы учились, казалось, сто лет назад; мимо курительного уголка, где стояла группа старшеклассников, – если бы я была только в девятом, наверняка бы не предавалась больше этим дурацким мыслям. Я прошла дальше наискосок к деревьям перед спортзалом, села там на каменное ограж-

дение и грызла свою плитку.

Ко мне направлялась Женестьева.

– Шарли, если ты ещё хочешь купить билеты в Летний театр, то должна сделать это сегодня.

– Окей, – сказала я, но в настоящий момент у меня не было никакого желания туда идти.

Я смотрела по сторонам. Все в этом школьном дворе, казалось, знали, что им делать. Как будто каждый из них получил на руки сценарий. А мне не довелось его прочитать. Тут я убедилась в этом. Я чувствовала себя так, будто вся моя жизнь протекает за стеклом. Всё, что мне кто-нибудь говорил, всякий раз, когда мне кто-нибудь улыбался, всё печальное, трагическое, забавное, красивое, что разыгрывалось у меня перед глазами, – всё это происходило за стеклом, через которое я могла видеть, но которое отделяло меня от всего этого. Неважно, где я находилась, неважно, с кем-то или среди множества других людей, это было так, будто я не могу ни к кому подойти и никто не может подойти ко мне. Как будто меня отрезает от всего этого нечто невидимое и непреодолимое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.